

291

598764

TEATP

№ 7

1954

В. РОЗЕН — АСТРОВ

У этого человека красивое, одухотворенное лицо и усталые, с искоркой иронии глаза.

Есть что-то знакомое во всем его облике, в том нервном движении, с каким теребит он свою бородку, в насмешливой улыбке, с какой порой глядит вокруг, в кипении внутренних сил, что бушуют в нем в момент творческого подъема.

Именно такими рисовались нам черты доктора Астрова, когда открывали мы страницы мудрой и страстной чеховской пьесы, рассказывающей «о жизни, принесенной в жертву идолу», и красоте человеческого личности, которую не могла до конца разрушить, затоптать окружающая грязь самодержавной действительности.

Артист Харьковского русского драматического театра имени Пушкина Владимир Розен рассказывает зрителю о судьбе Астрова с огромной внутренней силой. Она выявляется не в позе, не в темпераментной силе интонаций, а в глубоком постижении астровских дум, надежд, крушений его иллюзий, в том, что называл Немирович-Данченко «вторым планом» роли, когда «каждая фигура носит в себе что-то невысказанное, какую-то скрытую драму, скрытую мечту, скрытые переживания, целую большую — невыраженную в слове — жизнь».

...За зелеными далями синеющая дымка горизонта. Душно. Быть грозе. И эта предгрозовая атмосфера растет в душе Астрова — Розена, как нарастает она во внутренней динамике всего спектакля. А внешне все так просто, буднично, привычно: робкие аккорды гитары Вафли, старческий голос за сценой, повторяющий: «цып, цып, цып», остывший самовар на столе и нетерпеливо прохаживающаяся по садовой дорожке стройная фигура человека в пыльной дорожной крылатке.

И глядя на умное и одухотворенное лицо Астрова, мы думаем, как он, молодой, полный сил и надежд, приехал сюда, мечтая преобразовать, переустроить жизнь.

С тех пор прошло уже много лет. Доктор Астров не нашел настоящих путей борьбы. Тонкий, красивый человек стал грубее, потянулся к рюмке, то и дело в его глазах, в произносимых им словах вспыхивает саркастическая насмешка над жизнью, над собой.

Но В. Розен, показывая сложную гамму чувств своего героя, умело выделяет главный мотив, он проникновенно рассказывает о том светлом, сильном и здоровом, что живет в душе Астрова, что делает его поистине красивым в чеховском понимании этого слова, чем дорог он нам и сейчас.

Мы ощущаем поэтичность всего астровского облика. Как хорошо говорит Астров — Розен свой монолог о лесе. Без пафоса, без позы, а будто прислушиваясь к внутреннему голосу, отыскивая слова в самом сердце. И когда приходят минуты тоски, холодного скепсиса, даже цинизма, артист словно говорит зрителю: «Не верьте, это пройдет, Астров никогда не станет обывателем и пошляком!»

Резко распахнув окно, овеваемый ветром, освещенный молнией, бросает Астров — Розен в грозовую ночь гордые, смелые слова. Он верит: придет час, когда мечты его не будут казаться чудачеством; он верит, что зашумит молодой, прекрасный лес. Во имя этой веры не скатится Астров в болото обывательщины. Это утверждает просветленное и взволнованное лицо человека у распахнутого окна.

Прошла гроза. В старой гостиной, наполненной ночными шорохами, устало облокотившись о дверцы буфета, слушает Астров трепетную исповедь Сони. Они говорят о жизни, о любви, об огне в пути. И когда Астров произносит свои знаменитые слова о том, что в человеке должно быть все прекрасно, голос его звучит особенно мягко и доверчиво.

Не просто будничным земским врачом, а прекрасным человеком, близким нам своей романтической мечтой, отношением к труду, духовной стойкостью, живет Астров — Розен в спектакле.

Л. Попова, В. Николаев

